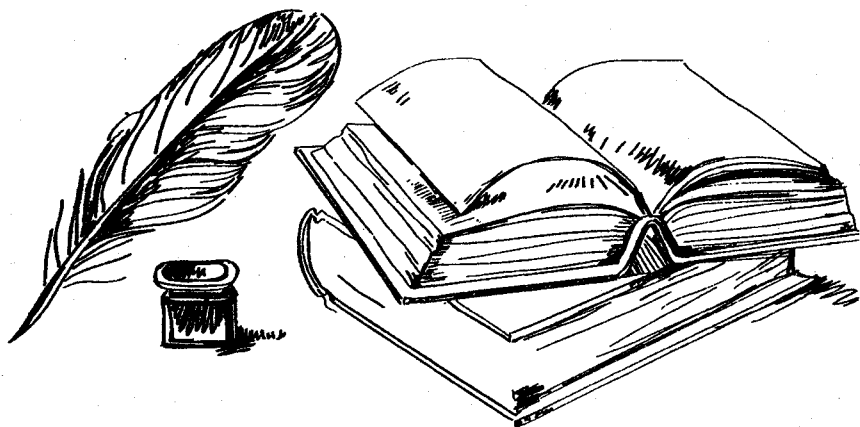

НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «АЭТЕРНА»

**ПРОРЫВНЫЕ
НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
КАК ДВИГАТЕЛЬ НАУКИ**

**Сборник статей
Международной научно-практической конференции
15 декабря 2015 г.**

-Часть 2

**Самара
АЭТЕРНА
2015**

УДК 001.1
ББК 60

Ответственный редактор:
Сукиасян Асатур Альбертович, кандидат экономических наук.

П 57

ПРОРЫВНЫЕ НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАК ДВИГАТЕЛЬ НАУКИ: сборник статей Международной научно-практической конференции (15 декабря 2015 г., г. Самара). / в 3 ч. Ч.2 - Уфа: АЭТЕРНА, 2015. – 290 с.

ISBN 978-5-906836-73-1 ч.2

ISBN 978-5-906836-75-5

Настоящий сборник составлен по материалам Международной научно-практической конференции «**ПРОРЫВНЫЕ НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАК ДВИГАТЕЛЬ НАУКИ**», состоявшейся 15 декабря 2015 г. в г. Самара. В сборнике научных трудов рассматриваются современные вопросы науки, образования и практики применения результатов научных исследований

Сборник предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а так же за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

Сборник статей постатейно размещён в научной электронной библиотеке elibrary.ru и зарегистрирован в наукометрической базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) по договору № 242-02/2014К от 7 февраля 2014 г.

УДК 001.1
ББК 60

ISBN 978-5-906836-73-1 ч.2

ISBN 978-5-906836-75-5

© ООО «АЭТЕРНА», 2015
© Коллектив авторов, 2015

Филологические науки: вопросы теории и практики №11(53) 2015, часть 2.: научно - теоретический и прикладной журнал. Тамбов 2015. С. 97 - 100.

4. Николаева Н.П. – использование информационно - коммуникативных технологий в обучении английскому языку // Языковое образование сегодня – векторы развития: материалы международной научно - практической конференции. Екатеринбург: УГПУ, 2010. С. 27 - 30.

© Р.З. Каримова, 2015

УДК 398

С.А. Моисеева

К. филол. н., старший научный сотрудник
Лаборатория народной культуры
Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова
Г. Магнитогорск, Российская Федерация

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ СОВРЕМЕННЫХ УСТНЫХ РАССКАЗОВ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА ЛАБОРАТОРИИ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ МАГНИТОГОРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА)

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 15 - 04 - 00177

«Великая Отечественная война (1941 - 1945) в источниках личного происхождения»

В качестве матрицы устных рассказов о войне, функционирующих в современном семейном коммуникативном пространстве, выступают, прежде всего, так называемые эго - документы – источники личного происхождения.

Особое место среди эго - документов занимают дневники, записные книжки рядовых солдат, участвовавших в боевых действиях. Дошедших с полей сражения таких записей ничтожно мало вообще: во - первых, в условиях боевых действий их трудно было сохранить; во - вторых, вести дневники и какие - либо записи о фронтовых событиях рядовому составу запрещалось [1, с. 109]. Но даже сохранившиеся до сегодняшних дней дневниковые записи фронтовиков зачастую остаются вне исследовательского контекста в силу некоторой растерянности как обладателей семейных реликвий, так и их хранителей - музейщиков и ученых разных областей наук. Растерянность обладателей связана с достаточно частным характером таких записей: многие предпочитают не разглашать семейные тайны; растерянность же хранителей - музейщиков и ученых – с отсутствием методов и приемов работы с такими текстами.

Так в силу обозначенных причин записи Н.И. Шостака (1914–1944) долгое время хранились А. Землянской в тайне от своей семьи. Только перед смертью она рассказала дочерям о своей любви к автору записей, умершему от ран в 1944 г. в госпитале. В 2004 г.

дочери передали записи в Музей истории Агаповского района Челябинской обл. В 2010 г. записи были опубликованы [2].

Дневник Шостака представляет собой вербализацию индивидуального видения и осмысления травматического опыта войны, не отстраненного во времени. Его записи представляют своего рода «ментальную архитектуру мира человеческих ценностей и отношений» молодого поколения военной действительности. Система ценностей у автора дневниковых записей представлена семантическим рядом: любовь – жизнь – судьба. В центре панический страх смерти, а как следствие этого – упаднические и пораженческие настроения. «...Немец все наступает успешно. Значит на возвращение к жизни надежд мало» [2, с. 20] «...страх толкает меня в щель при появлении самолета. Все равно. Прощай, жизнь! □□□□ Я уже не принадлежу тебе. Прощайте, люди». [2, с. 22, 23]. Н.И. Шостак отмечает крайне низкую ценность простой человеческой жизни в условиях фронтовой действительности. Автор неоднократно возвращается к событиям прошлого довоенного жизненного опыта, представляя этот опыт, как безвозвратно потерянный тип существования, в чем репрезентируется чувство крушения всей довоенной картины мира.

На страницах тылового дневника Д.Г. Фатеева практически отсутствует упоминание о войне. Его записи представляют собой своего рода дневник наблюдения за взрослением старшего сына Виктора (1940 г.р.). Между тем дневник дает материал для изучения тыловой повседневности первых двух лет войны. Последние записи Д.Г. Фатеева от 25.01.42 и 27.01.42 явились самыми ценными для сына Виктора. «Итак, быть может, это последняя моя запись... Расти, Витя, будь разумен, люби родину, люби народ свой, люби науку и труд. Будь счастлив. Твой отец Фатеев Дмитрий Георгиевич» [2, с. 78].

Сын автора рукописи в 1983 г. эти страницы облек в стихотворную форму:

«Сегодня я ночью / На фронт ухожу, / Быть может, не встретимся боле, / Быть может, / Я голову где - то сложу, / Развеется прах в чистом поле. / Расти же, сынок, / И будь молодым, / Люби труд, свой народ и науку. / Ты Отчизной своего гордись – / В этом счастье твое, / И моя в том порука» [2, с. 81].

В 1998 г. на основе последних записей отцовского дневника Виктор Дмитриевич пишет картину «Завещание» [2, с. 120]. Автор дневника пропал без вести в марте 1942 г. Таким образом, рукопись и несколько довоенных фотографий – это все, что осталось сыну от отца. По этим предметам Виктор Дмитриевич «изучал отца», эти предметы спровоцировали активный поиск следов его фронтовой жизни. Темы отца, его ожидание с фронта, военное тыловое детство стали основными в творческой деятельности Виктора Дмитриевича – самодеятельного художника, писателя, поэта, талантливого рассказчика, являющегося транслятором генетической памяти в коммуникативном пространстве семьи Фатеевых. «Драконовский закон военного времени обязывал сдать государству мяса, шерсть, молоко, яйца; есть у тебя подсобное хозяйство или нет, значение не имело... Вспоминая те годы, не перестаю удивляться, как выжила баба Вера это лихолетие, питаюсь один раз в сутки... Был я в то время настолько слаб, что крылечко в пять ступеней приходилось преодолевать самостоятельно, с перекурком на третьей ступени:

«На третьей ступени крылечка / От слабости делал привал. / Лежали здесь кости – игрушки – / «Военный» мой весь «арсенал»: / Солдаты и танки, жестяная пушка. / Я мысленно с папою вместе / В атаку бойцов поднимал. / Казалось, я тоже немножко / Бить фрицев отцу помогал» [2, с. 119].

Как офицерская семья мы получали паек: пуд муки, сахар, яичный желток и кое - что еще (гуманитарная помощь американцев). Так вот до нас, потребителей, пуд муки доходил настолько уплотненным, что вмещался в восьмилитровое ведро. От стакана такой муки баланда наша становилась бело - голубой, как обрат, а на дне выпадал нерастворившийся осадок мела. Но жаловаться было некому и некуда.

Однажды баба Вера принесла с работы большущего ежа. На утро живьем сунула его в печь, так как не смогла его умертвить, и когда иглы на нем обгорели, очистила, выпотрошила и варила несколько дней щи с мясом и запахом мышатины.

«Ежик на углях / В клубке верещит, / И я заливаюся с визгом. / Бабуся же с горя платком / Слезу утирает тайком. / Дня три или четыре / Варили мы щи из ежа / Со всякою разной приправой, / Но мяса поесть / Не пришлось ни шиша - / Уж очень бедняга был старый» [3].

Немаловажными источниками современных устных рассказов о Великой Отечественной войне являются письменные воспоминания участников событий. Такие воспоминания можно определить по терминологии В. Нурковой, как «окультуренную» форму социального взаимодействия, во - первых, автора с самим собой, во - вторых, автора с читателем. Во многом такие воспоминания, отстраненные во времени, – реакция на просьбу детей и внуков рассказать о войне. Таким образом, это своего рода семейный автобиографический текст, предназначенный, прежде всего, для дальнейшей его трансляции и интерпретации внутри семейной группы. Такие воспоминания последнего десятилетия репрезентируют некодифицированный массовый опыт войны, личный опыт войны. Так, написанное И.В. Мещеряковым и отредактированное его сыном, воспоминание о своей войне поднимает антропологический и социальный круг проблем, обсуждение которых до 90 - х гг. XX в. было фактически табуировано. Рассказчик – наивный писатель – отказывается от советско - риторических моделей определения травматического опыта войны. Пружиной для разворачивания письменного текста - воспоминания Мещерякова является семантический ряд: голод – холод – страх. Для текста Ивана Васильевича значимы фрагменты описания случаев агрессивного проявления «животного начала» в человеке. Л.Д. Гудков отмечает: «Право на насилие воспринимается как сила правого: представление о себе как о жертве агрессии придавало им уверенность в своей правоте и человеческом превосходстве. Произвол становится легитимирующим принципом социальности в осознании травматического опыта войны» [4]. Автором такие фрагменты военной действительности описаны с позиции восприятия шокирующего опыта. «Вдруг я случайно глянул под стол и там с задранной юбкой и перерезанным горлом, с распущенными светлыми волосами лежала мертвая немка, головой ко мне. На полу виднелась почерневшая лужа засохшей крови. Рядом с немкой валялась солдатская шапка ушанка с красной звездой. Я выскочил из квартиры, ничто не взял. Никому об увиденном я не рассказал» [5].

Следует заметить еще одну особенность письменного автобиографического воспоминания И.В. Мещерякова – отсутствие случаев проявления героизма: автор не описывает ни одного героического поступка. Значимой темой текста Ивана Васильевича является тема смерти на войне: смерти случайной и нелепой. Таким образом, автор читателю представляет негероический образ человека на войне; смерть в его тексте становится «рабочим элементом» повседневной фронтовой жизни. Так в обозначенном тексте не находят подтверждения идеологемы о пламенном советском патриотизме и

массовом героизме. В целом, текст репрезентирует отход от советской модели войны, так называемой сталинской версии.

Отход от официальной интерпретации был наказуем. Поэтому произошла «консервация» советской памяти о войне, утверждение в сознании советского мифа о массовом героизме и Великой победе. Поэтому долгое время ветераны фронта и тыла придерживались официальных установок и предписаний, демонстрируя советскую идентичность. Устные рассказы выстраивались в событийном (хронологическом) ракурсе. Это так называемые воспоминания фона – образы имен, цифр, географических названий, «в них нельзя погрузиться как в целостную ситуацию», – отмечает В. Нуркова [6, с. 272]. На современном этапе внутри семейной группы функционируют несколько иных рассказы о Великой Отечественной войне в сравнении с рассказами советского периода.

Первый и второй тип рассказов содержат автобиографическую информацию. Такие рассказы мы склонны рассматривать как повествовательную форму автобиографической памяти, своего рода это вербализованный способ ее существования. В. Нуркова отмечает, что «автобиографическая память обеспечивает возможность самопрезентации личности в различных временных ипостасях и их соотнесение с прошедшими событиями жизни. Таким образом, «поле притяжения» автобиографической памяти может быть представлено «яркими событиями, «переломными событиями», «сущностными событиями» в истории жизни конкретного индивида [6, с. 280]. Великая Отечественная война для непосредственных ее участников и современников явилась и ярким, и переломным, и сущностным событием их жизни.

Нарративы третьего типа демонстрируют новый виток бытования устного рассказа о войне, в который включены биографические сведения представителей старшего поколения семьи – рода, а не сведения о собственной биографии рассказчика. Это рассказы о тех, кто пережил войну, с позиции тех, кто эту войну не видел и не знает. Знания же эти молодое поколение черпает из сохранившихся в семье письменных источников, фотоматериалов и устных рассказов старшего поколения семьи.

Тематика современных рассказов первого типа совпадает с темами письменных источников периода войны. Это темы голода, страха, ужаса, страдания, несправедливости, человеческого терпения и просто бытовой повседневности.

Для рассказов второго типа значимы темы прощаний на фронт, ожидания и фронтовой переписки, тыловой повседневности.

Рассказы третьего типа, смоделированные на основе предыдущих источников, освещают главным образом темы фронтового пути своих родственников и их травматического опыта Великой Отечественной войны.

Список использованной литературы:

1. Пушкирев, Л.Н. Человек на войне (источники по изучению менталитета фронтовиков в годы Великой Отечественной войны) [Текст] / Л.Н. Пушкирев // Этнографическое обозрение. – 2000. – С. 109 - 121.
2. «... Я умру, когда природа будет воскресать». Дневниковые записи 1940 - 1943 гг. / сост. Т.И. Рожкова, С.А. Моисеева, И.А. Филиппова. – Магнитогорск: МаГУ, 2010. – 124 с.
3. Архив лаборатории народной культуры. РФ №18; записи сотрудников 2008, п. №1.

4. Гудков, Л.Д. «Память» о войне... / Л.Д. Гудков // Неприкосновенный запас [Электр. ресурс]. – Электр. журнал. – 2005. – № 2 - 3 (40 - 41). – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/gu5.html>.

5. Архив лаборатории народной культуры. ЭК - 43, 2009, Верхнеуральск, п. I.

6. Нуркова, В.В. Сверхенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности / В.В. Нуркова. – М.: Изд - во УРАО, 2000. – 320 с.

© С.А. Моисеева, 2015

УДК – 81 - 25

Е. П. Пилязина

студентка 3 курса филологического факультета
ФГБОУВПО «Мордовский государственный педагогический институт
им. М. Е. Евсевьева»

Научный руководитель: Е. Н. Морозова

к.ф.н., доцент кафедры русского языка и методики преподавания русского языка
ФГБОУВПО «Мордовский государственный педагогический институт
им. М. Е. Евсевьева»

г. Саранск, Российская Федерация

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНОСТРАННЫХ СЛОВ В РАЗГОВОРНОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

Язык - живая система, состав которой постоянно пополняется новыми и неизвестными поначалу словами. В настоящее время нередко можно услышать в речи людей, увидеть на уличных объявлениях слова иностранного происхождения, которые были заимствованы в разное время русским языком.

Иностранные слова в современном русском языке многочисленны, но занимают не более 10 % лексики. Большинство присуще стилистически закрепленное употребление в речи. Чаще всего они используются в узкой сфере применения (различные термины, профессионализмы и т.п.) [1, с.72].

Причины заимствования разделены на две большие группы: внеязыковые и внутриязыковые. Главная причина внешнего заимствования это тесные политические, торгово - экономические, культурные связи между странами. Например, с возникновением в нашей жизни таких технологий, как троллейбус, радио, телевизор и др., в язык вошли также их названия. Следующая причина — придание значения с помощью иноязычного слова специальному роду предметов. К примеру, для обозначения отличия от «русского» густого варенья, закрепилось слово «джем».

В настоящей статье мы рассмотрим некоторые иностранные слова, используемые в разговорной русской речи.

Постер – (англ. poster - афиша, объявление) [2]. В русском языке используется в значении художественного плаката. Плакат - настенный лист, крупный рисунок с каким-либо текстом (учебным, рекламным) [4].